

Нарратология *Narratology Studies*

DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00035

И.В. Кузнецов (Новосибирск)

АНАРРАТИВНОСТЬ В РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ПРОЗЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПРАВИЛА ЛИТЕРАТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В прозе русской эмиграции первой волны нарративное начало было ослаблено. Это особенно заметно в сопоставлении с литературой метрополии того же периода, уже в 1920-е гг. отчетливо тяготевшей к эпосу. В эмигрантской прозе первых послереволюционных лет доминировала публицистика, а после середины 1920-х гг. ее сменили сочинения мемуарного характера. В плане своей текстовой организации эта проза была неоднородной. В ней можно выделить две составляющие: «воспоминания», нарративные по преимуществу, и «размышления», в основе которых находится текст-ментатив с его референцией не к хронологу, а к мышлению. На практике эти текстовые формы зачастую сосуществовали в составе одного произведения. И все же интенсивность использования ментатива, с его специфическими стратегиями текстообразования, в целом характерна для эмигрантской прозы первой волны. Он является организующим началом в «Комментариях» Г. Адамовича, в воспоминаниях о Брюсове М. Цветаевой, активно используется в сочинениях других писателей-эмигрантов. Обращение к тексту-ментативу было проявлением закономерности развития русской литературы на этапе сближения художественного и внехудожественного слова, приходящемся на вторую половину XIX и XX вв. Текстовая форма ментатива передает движение мысли как таковое, и это свойство сделало ее неуместной в авторитарной культуре советского государства. Типологически подобные эмигрантским сочинения, как «Охранная грамота» Б. Пастернака, столкнулись с давлением цензуры и при публикации подвергались искажениям. В эмигрантской же литературе, свободной от идеологического давления, текст-ментатив оставался востребован, во-первых, как органическая форма рассуждения, во-вторых, как актуальная в литературном развитии текстовая форма. Ослабление нарративности сопровождалось распространением ментатива. Так в эмиграции эволюционная закономерность литературного процесса осуществлялась естественным образом.

Ключевые слова: развитие русской литературы; эмигрантская проза; нарратив; ментатив; стратегии ментатива; Г. Адамович; М. Цветаева.

I.V. Kuznetsov (Novosibirsk)

Non-narrative in the Russian Emigre Prose as Manifestation of the Rule of Literary Development

Abstract. The narrative element was weakened in the prose of the First Wave of Russian emigration. It is especially noticeable in comparison with the literature of the metropolis of the same period, which distinctly gravitated towards the epic in the 1920s. In the emigrant prose of the first post-revolutionary years, journalism dominated, and after the mid-1920s it was replaced by memoir compositions. In terms of its textual organization, this prose was heterogeneous. We can describe two components in it: “memories”, mostly narrative, and “reflections”, which are based on the text-mentative with its reference not to chronotope, but to thinking. In practice, these text forms often co-existed as part of a single work. Yet the intensity of using mentative, with its specific text formation strategies, is generally characteristic of the emigrant prose of the first wave. It is an organizing principle in G. Adamovich’s “Comments”, in M. Tsvetaeva’s memoirs about Bryusov, and is actively used in the works of other emigrant writers. The appeal to the text-mentative was a manifestation of the regularity of the Russian literature development at the stage of convergence of artistic and non-artistic words, which occurred in the second half of the 19th and 20th centuries. The textual form of mentative conveys the movement of thought as such, and this property made it irrelevant in the authoritarian culture of the Soviet state. Typologically similar to emigrants works, such as “The Safe Conduct” by B. Pasternak, faced pressure from censorship and were subject to distortions when published. In the emigrant literature, free from ideological pressure, text-mentative remained in demand, first, as an organic form of reasoning, and second, as an actual text form in literary development. The weakening of narration was accompanied by the spread of mentative. Thus, in emigration, the evolutionary regularity of the literary process was carried out in its natural way.

Key words: Russian literary development; emigrant prose; narrative; mentative; mentative strategies; G. Adamovich; M. Tsvetaeva.

В прозе русской эмиграции первой волны нарративное начало было ослаблено. Это особенно заметно в сопоставлении с литературой метрополии того же периода, уже в 1920-е гг. отчетливо тяготеющей к эпосу. Что касается советской литературы, то ее эпические приоритеты объяснимы, поскольку победившая диктатура в культуре стремилась к созданию собственного «большого стиля». Что же касается эмигрантской прозы первых послереволюционных лет, то в ней доминировала публицистика: это опубликованные с задержкой «Окаянные дни» Ивана Бунина, «Петербургские дневники» Зинаиды Гиппиус, статьи Александра Куприна, Дмитрия Мережковского в зарубежной периодике. Однако после середины 1920-х гг. публицистику сменили сочинения мемуарного характера. «Различные виды мемуаристики <...> во многом определили специфику литературного процесса зарубежья» [Леденёв 2013, 123]. Множество мемуаров в эти годы возникало и в России, «однако именно в эмиграции количественный

рост мемуарной и автобиографической прозы приобрел лавинообразный характер» [Леденёв 2013, 123].

В плане своей текстовой организации мемуарная проза была неоднородной. В ней можно выделить две составляющие, удачно обозначаемые как «воспоминания» и «размышления» (именно так, словосочетанием «Воспоминания и размышления», назвал в конце 1960-х гг. свою мемуарную книгу маршал Жуков). «Воспоминания» – это компоненты мемуаров, нарративные по преимуществу. В противоположность им, «размышления» имеют в своей основе текст-ментатив, то есть текст, формулирующий мысль. Теоретическая оппозиция нарратива и ментатива связана, в значительной степени, с их референциальностью: если «в нарративе доминирует референция к протяжённости хронотопа, то в ментативе – к мышлению как таковому и его речевой форме» [Максимова 2005, 110]. На практике эти текстовые формы обыкновенно сосуществуют в составе одного произведения. Так обстояло дело и в эмигрантской литературе, где «в большинстве текстов между воспоминаниями, с одной стороны, и литературоведческим исследованием или критической работой, философским или политическим эссе, с другой, стерты жанровые границы» [Леденёв 2013, 133].

И все же интенсивность использования ментатива в целом характерна для эмигрантской прозы первой волны. Остановимся на одном из показательных произведений этого круга, на книге Георгия Адамовича «Комментарии», составленной из записей почти за столетия начиная с середины 1920-х гг. Само ее название указывает на одну из стратегий ментативного текстообразования – стратегию комментирования. Принцип этой стратегии таков: «комментарий, данный к тому или иному элементу “чужого”, косвенно проясняет и весь его смысл» [Максимова 2005, 266]. По этому принципу построен текст книги Адамовича. Она состоит из восьмидесяти трех (в прижизненной редакции) эссеистических фрагментов, открываемых тезисом из интеллектуального обихода или прямой цитатой и продолжаемых повествовательным комментарием, направленным на то, чтобы усилить и прояснить именно исходную мысль. Исходный тезис анарративен, он – «моментальная фотография мысли», как сам Адамович выразился в XLIII фрагменте. Приведем пример, фрагмент XLVII:

По Альберу Камю, мечта каждого подлинного писателя, «усвоив все то, что есть в “Бесах”, написать когда-нибудь “Войну и мир”». Или иначе: «ценой смирения и мастерства найти путь к общечеловеческому искусству».

Замечательно, что Камю упомянул о смирении, о скромности, – «humilité» во французском тексте. Едва ли он знал, что Чехов сказал о Достоевском почти то же самое: «не достаёт скромности». Чехов о Достоевском говорил вообще неохотно, будто стесняясь признаться, что не любит его, вроде того как Чайковский стеснялся говорить, что не любит Шопена. Карамазовские бунты и неприятия мира были, по-видимому, ему не по душе: о чем тут толковать, все и так ясно, «пойдем лучше чай пить», как говорит старый профессор в «Скучной истории» [Адамович 2016, 76].

Здесь в качестве исходного взят чужой тезис – призыв Альбера Камю «ценой смирения и мастерства найти путь к общечеловеческому искусству». В нем раскрывается слово «смирение», помогающее понять смысл целого. Это слово поясняется при помощи повествовательного комментария, однако и в самом этом комментарии повествование передает движение интеллектуального сюжета. Ведь «скромность», «карамазовские бунты», «Чайковский», «Шопен», чеховский «старый профессор» – это не нарративные актаны, а понятия культурного кругозора. И отношения между ними – не хронологические, как это есть в нарративе, а смысловые, как оно есть в ментативе.

Еще один пример, фрагмент LI:

У молодых есть все преимущества перед старыми. Все, кроме одного: старые знают, что каждое поколение приходит со своей правотой и своими иллюзиями. Молодые видят только свою правоту и склонны счесть её правотой окончательной.

Умный Базаров был бы ещё умнее, если бы догадался, каким тупицей просльвёт он у первых эстетов и декадентов [Адамович 2016, 80].

Адамович, конечно, не знал о стратегиях ментатива, систематизированных только в последние десятилетия. Однако пользовался он именно текстом-ментативом, что и попытался выразить в названии книги. С сегодняшней позиции видно: хотя книга называется «Комментарии», в приведенном фрагменте наглядно действует другая стратегия, «развитие», формула которой – «Тезис^{чужой} – Антитезис^{свой} – Синтез» [Максимова 2005 231]. В приведенном примере тезис – «У молодых есть все преимущества перед старыми». Антитезис – «у старых шире кругозор». Синтез – «умному Базарову недоставало взгляда из перспективы». Движение мысли начинается общим местом, приращивается собственным соображением относительно него и суммируется конкретным примером (что приближает фрагмент также к стратегии «применение», логико-смысловая формулировка которой – «Если... / то» [Максимова 2005, 179]).

Как видно, в «Комментариях» Георгия Адамовича использован текст-ментатив в ряде разновидностей, с задействованием целого спектра коммуникативных стратегий, специфически свойственных именно этому типу текста. Мы взяли «Комментарии» в качестве наиболее показательного примера, однако можем также использовать воспоминания Марины Цветаевой «Герой труда», написанные в 1925 г. в память о Валерии Брюсове. Пользуясь примененным выше различием, это не столько воспоминания, сколько именно размышления. Вот фрагмент из них:

Творение Брюсова больше творца. На первый взгляд лестно, на второй – грустно. Творец, это все завтрашние творения, все Будущее, вся неизбежность возможности: неосуществленное, но не неосуществимое – неучитное – в неучти-

мости своей непобедимое: завтрашний день [Цветаева 2018, 204].

Это текст-ментатив, развивающий стратегию «толкования», формула которой – «Тезис^{чужой} означает Тезис^{свой}, потому что...». Цветаевское толкование, как свойственно этой стратегии, расширяет исходный тезис до мысли о неустранимой потенциальности творца в противовес законченности творения. Этим комментарием исходный тезис проясняется, так что в итоге возникает свой тезис-оценка: «*На первый взгляд лестно, на второй – грустно*».

Вот другой фрагмент цветаевских воспоминаний:

Знать свои возможности – знать свои невозможности. (Возможность без невозможностей – всемогущество.) Пушкин не знал своих возможностей, Брюсов – свои невозможности – знал. Пушкин писал на авось (при наичернейших черновиках – элемент чуда), Брюсов – наверняка (статут, Институт) [Цветаева 2018, 205].

Здесь основная использованная стратегия – «применение», формула которой – «Если верно N^{чужое}, то верно N^{свое}». В качестве исходного, условно чужого, тезиса, берется мысль, что «*знать свои возможности значит знать свои невозможности*». Из нее выводятся утверждения, что Пушкин писал на авось, а Брюсов – наверняка. Это явное использование текста-ментатива.

Еще один пример, более развернутый и сложный, многочастный:

Говорить чисто, все покушение Брюсова на поэзию – покушение с негодными средствами. У него не было данных стать поэтом (данные – рождение), он им стал. Преодоление невозможного. Kraftspröbe. А избрание самого себе обратного: поэзии (почему не естественных наук? не математики? не археологии?) – не что иное, как единственный выход силы: самоборство.

И, уточняя: Брюсов не с рифмой сражался, а со своей нерасположенностью к ней. Поэзия, как поприще для самоборения.

* * *

Поэт ли Брюсов после всего сказанного? Да, но не Божьей милостью. Стихотворец, творец стихов, и, что гораздо важнее, творец творца в себе. Не евангельский человек, не зарывший своего таланта в землю, – человек, волей своей, из земли его вынудивший. Нечто создавший из ничто.

Вперед, мечта, мой верный вол! [Цветаева 2018, 206]

Здесь на протяжении всего текста доминирует стратегия «переоформление», когда исходный тезис «покушение с негодными средствами» несколько раз формулируется иначе, уточняется, пока, наконец не звучит в форме яркого афоризма: «*Поэзия как поприще для самоборения*».

Затем этому исходному (условно чужому) тезису противопоставляется

свой: «*Брюсов не поэт*», – выраженный в вопросительной форме. Они синтезируются в суждении: «*Поэт, но не Божьей милостью*». Это стратегия «развитие», формула которой именно такова: «Тезис^{чужой} – Антитезис^{свой} – Синтез». Но это не все: для усиления синтезирующего высказывания вновь используется стратегия «переоформление», варьирующая получившееся суждение, пока не возникает новый афоризм: «*Нечто создавший из ничто*».

И наконец, приводится цитата из стихотворения самого Брюсова: «*Вперед, мечта, мой верный вол!*» В сущности, это новый шаг «переоформления», только вместо нового своего афоризма берется чужой, собственно брюсовский, образно и как нельзя лучше раскрывающий суть дела.

Так в этом интеллектуально насыщенном фрагменте на пространстве нескольких строк проявились разные текстообразовательные стратегии ментатива: «переоформление» (трижды) и «развитие». То, что перед нами текст-ментатив, таким образом, вне всяких сомнений.

Продолжая примеры, можно назвать книги «Подстриженными глазами» Алексея Ремизова, и поздний «Курсив мой» Нины Берберовой, и другие эмигрантские мемуары: текст-ментатив составляет в них существенную часть. Такая особенность русской прозы середины XX в. не только не является случайной, но и не связана с одной лишь эмиграцией как социокультурным феноменом. Ее причины – более глубокого свойства.

Обращение к тексту-ментативу было проявлением закономерности развития русской литературы на этапе интерференции, то есть *сближения, художественного и внехудожественного слова*, приходившемся на вторую половину XIX и XX вв. [Кузнецов 2011]. В продолжение этого этапа литературной эволюции художественная литература испытывала влияния со стороны иных типов речи. В середине XIX в. стало очень заметно возникновение нескольких линий напряженного взаимодействия: коллизия поэзии и фольклора проявилась у Островского и Некрасова, коллизия поэзии и религии – у Достоевского, коллизия поэзии и публицистики – у Салтыкова-Щедрина, коллизия поэзии и философии – в «*Воине и мире*» графа Толстого [Кузнецов 2020].

В дальнейшем эти коллизии не утратились, так что в продолжение XX в. сближение художественного и иных типов слова набирало силу. В частности, это видно в том, что в художественной прозе XX в. возрастает роль текста-ментатива. Ментатив – это форма не только научной речи, в него облакаются философия, публицистика, эссеистика самого различного характера, вообще всякая речь, передающая состояние мысли как таковое. Это его свойство оказалось очень актуальным в эмигрантской литературе, лишенной непосредственного контакта с естественной языковой средой и потому отличавшейся повышенной рефлексивностью, интенсивностью самоуглубления.

Однако именно это существенное свойство ментатива – передавать состояние и движение мысли – быстро сделало его и неуместным в авторитарной культуре советского государства. Дело в том, что типологически схожие с эмигрантскими сочинения мемуарно-рефлексивного харак-

тера, основанные на ментативе, в немалом количестве возникали и даже начинали публиковаться и в Советской России в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Но их дальнейшая судьба не была благоприятной. Первое сочинение такого характера, «Шум времени» Осипа Мандельштама (1925), еще было встречено критикой более или менее снисходительно. Другое сочинение, «Охранная грамота» Бориса Пастернака (1929–1931), уже столкнулось с сильнейшим давлением цензуры и при публикации подверглось искажениям, при которых из него последовательно устранялись ментативные фрагменты, передающие неканонические мыслительные ходы и сопровождающую их образность [Кушнирчук 2015]. Еще была опубликована книга Бенедикта Лифшица «Полутораглазый стрелец», в которой восстанавливались обстоятельства возникновения русского футуризма. Публикацией в начале 1930-х гг. мемуарной трилогии Андрея Белого («На рубеже столетий», «Начало века», «Между двух революций») издание сочинений подобного рода прекратилось.

В эмигрантской же литературе, свободной от идеологического давления, текст-ментатив оставался востребован. Георгий Адамович писал свои «Комментарии» до самых 1960-х гг., то же и Нина Берберова. Ментатив оставался востребован именно как актуальная в литературном развитии текстовая форма. С позиций теоретической истории русской литературы видно, что ослабление нарративности сопровождалось распространением ментатива как органической формы рассуждения, размышления. Так в эмиграции эволюционная закономерность литературного процесса осуществлялась естественным образом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамович Г.В. Собрание сочинений: в 18 т. Т. 14. М.: Дмитрий Сечин, 2016.
2. Кузнецов И.В. Теоретическая история, диалектика и риторика русской словесности // Вопросы литературы. 2011. № 3. С. 181–224.
3. Кузнецов И.В. Русская художественная литература: 1840–1890-е годы. Новосибирск: НГТИ, 2020.
4. Кушнирчук Н.П. Б. Пастернак под пером цензуры («Охранная грамота», 1929–1931) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 4. С. 92–96.
5. Леденёв А.В. Литература первой волны эмиграции: основные тенденции литературного процесса // Русское зарубежье: История и современность: Сб. ст. Вып. 2. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2013. С. 116–136.
6. Максимова Н.В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. М.: Издательский центр РГГУ, 2005.
7. Цветаева М.И. Чужой жизни – нет: автобиографическая проза, воспоминания о современниках, статьи. М.: АСТ, 2019.

REFERENCES
(Articles from Scientific Journals)

1. Kushnirchuk N.P. B. Pasternak pod perom tsenzury (“Okhrannaya gramota”, 1929–1931) [B. Pasternak under the Pen of Censorship (“Safe Conduct”, 1929–1931)]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*, 2015, no. 4, pp. 92–96. (In Russian).

2. Kuznetsov I.V. Teoreticheskaya istoriya, dialektika i ritorika russkoy slovesnosti [Theoretical History, Dialectics and Rhetoric of Russian Literature]. *Voprosy literatury*, 2011, no. 3, pp. 181–224. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

3. Ledenev A.V. Literatura pervoy volny emigratsii: osnovnyye tendentsii literaturnogo protsessa [Literature of the First Wave of Emigration: Main Trends in the Literary Process]. *Russkoye zarubezh'ye: Istoriya i sovremennost'* [Russian Diaspora: History and Modernity]. Moscow, Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam RAN Publ., 2013, pp. 116–136. (In Russian).

(Monographs)

4. Kuznetsov I.V. *Russkaya khudozhestvennaya literatura: 1840–1890-e gody* [Russian fiction: 1840s–1890s]. Novosibirsk, Novosibirsk State Theater Institute Publ., 2020. (In Russian).

5. Maksimova N.V. “Chuzhaya rech'” kak kommunikativnaya strategiya. [“Alien Speech” as a Communicative Strategy]. Moscow, RSUH Publ., 2005. (In Russian).

Кузнецов Илья Владимирович, Новосибирский государственный театральный институт.

Доктор филологических наук, доцент. Профессор кафедры истории театра, литературы и музыки. Научные интересы: эстетика, теория литературы, история русской литературы. Организатор просветительского проекта «Теоретическая история русской литературы».

E-mail: eliah2001@mail.ru

ORCID ID 0000-0001-9629-4012

Ilya V. Kuznetsov, Novosibirsk State Theatre Institute.

Doctor of Philology, Docent. Professor at the Department of Theatre, Literature and Music History. Research interests: aesthetics, theory of literature, Russian literature history. Organizer of enlightening project “Theoretic history of Russian literature”.

E-mail: eliah2001@mail.ru

ORCID ID 0000-0001-9629-4012